

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Магомедова Ольга Сергеевна

Аналитик Института международной экономики и финансов Всероссийской академии внешней торговли при Минэкономразвития РФ (Москва), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0003-0593-3101, e-mail: olga.magomedova.96@mail.ru.

В научных публикациях исследователи, как правило, рассказывают о готовых результатах проведенных исследований и проверенном пути к ним. Но в поиске верного пути исследователи неизбежно проходят по тупиковым тропам, которые остаются неизвестны аудитории. Это разумный подход к развитию дисциплинарных знаний. Но в случае привнесения в научное поле новой идеи, требующей дальнейшей разработки, стоит сделать исключение из этого правила и осветить ложные пути рассуждений в развитии тех или иных предположений. Сегодня отечественные юристы-международники обращаются к концепции международно-правовой политики государства, сформулированной во французской научной школе и разработанной зарубежными исследователями. С целью поддержать дальнейшее развитие концепции на фундаменте российской теории международного права настоящая статья освещает основные препятствия и ловушки для исследователей. Раскрывается проблема ограниченных источников данных для анализа международно-правовой политики государств как последовательной стратегии. Рассматриваются нюансы ретроспективного анализа международно-правовой политики государства. Представлен обзор некоторых тезисов концепции и подводных камней в их интерпретации. Разъясняется значение систематизации международно-правовой практики государств в контексте проблемы схематизации международно-правовых доводов государств.

Ключевые слова: международно-правовая политика, теория международного права, нормы международного права, согласование воле государств, национальные интересы, легитимация

Для цитирования: Магомедова О. С. Проблемы развития концепции международно-правовой политики государства // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 3. С. 5–17. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_3_5.

PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF INTERNATIONAL LEGAL POLICY OF STATE

Magomedova Olga

Analyst, All-Russian Academy of Foreign Trade under the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (Moscow), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0003-0593-3101, e-mail: olga.magomedova.96@mail.ru.

Published research works usually present achieved results and tested paths to them. But in search for this right way researchers inevitably discover dead-end paths that remain unknown to the audience. This is a reasonable approach to the development of disciplinary knowledge. But if a new idea is introduced into the discipline and requires further development, it is worthwhile to make an exception to this rule and to highlight false ways of reasoning in the development of certain theses. Nowadays Russian international lawyers are addressing the concept of international legal policy of state, formulated in the French scholarship and advanced by foreign researchers. In order to support the further development of the concept on the foundation of the Russian theory of international law, this article highlights main obstacles and traps for researchers. The article highlights the problem of limited data sources for the analysis of

international legal policies of states as consistent argumentative strategies; examines the nuances of the retrospective analysis of international legal policies of states; provides review of some theses of the concept and pitfalls in their interpretation. The article explains importance of systematization of international legal practice of states in the context of the problem of schematization of international legal arguments of states.

Key words: international legal policy, theory of international law, international legal norms, coordination of sovereign wills, national interests, legitimacy

*For citation: Magomedova O. S. (2024) Problems of the development of the concept of international legal policy of state. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 5–17, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_3_5.*

Введение

Термин «международно-правовая политика государства» (далее также – МППГ) широко известен в российской науке международного права и часто применяется в работах по разным темам. Однако само понятие МППГ как полноценной теории только проходит этап становления в отечественной науке. Тема МППГ появилась в поле российских правовых исследований на фоне возвращения интереса зарубежных ученых к авторской концепции Г. Л. де Лашаррьера, сформулированной в 1980-х гг. Идея Г. Л. де Лашаррьера заключалась в том, что каждое государство проводит специальную политику в отношении международного права, направленную на легитимацию его позиций по тем или иным вопросам в международном праве¹. Такая политика проводится путем последовательного аргументированного представления государством своей позиции с целью убеждения международного сообщества в ее соответствии основам международного права и необходимости в современных условиях. По мере легитимации предлагаемых позиций государства формируют актуальное содержание международного права.

В 2010-х гг. трансформационные процессы в международных отношениях, обострение дискуссии о роли международного права в текущих обстоятельствах вновь привлекли внимание некоторых зарубежных исследователей к социологическому аспекту поднимаемых вопросов – отношению государства к международному праву². Такой ракурс современных проблем заинтересовал и российских исследователей³. Следует заметить, что в зарубежной теории международного права, где авторская концепция Г. Л. де Лашаррьера стала классической идеей, научная дискуссия по проблематике МППГ направлена на своего рода «переосмысление» классических положений. Такое развитие дискуссии возможно именно потому, что идея МППГ была изначально серьезно воспринята французской доктриной и за десятилетия значительно обогатилась разработками зарубежных авторов по отдельным вопросам, поднимаемым концепцией.

В российскую науку международного права концепция привнесена как новелла из зарубежных исследований, а потому требует особой осторожности в развитии ее положений на фундаменте, заложенном отечественными международно-правовыми школами. Так, развитие идеи МППГ российскими учеными сопровождается риском отождествления явлений, определенных термином «международно-правовая политика» в ранее опубликованных исследованиях, с понятием МППГ, за которым стоят строгие тезисы. Кроме того, универсальное значение концепции (т. е. возможность ее применения при изучении международно-правовой практики каждого из государств) может создавать мнимое впечатление простоты ее тезисов, из чего следуют риски опрометчивых суждений. Поэтому задача настоящей статьи – предупредить та-

¹ De Lacharrière G. L. La politique juridique extérieure. P.: Economica, 1983. 231 p.

² Kolb R. Réflexions sur les politiques juridiques extérieures. P.: Pedone, 2015. 138 p.; Mégret F. Foreign Legal Policy as the Background to Foreign Relations Law? Revisiting Guy De Lacharrière's La Politique Juridique Extérieure // Encounters between Foreign Relations Law and International Law: Bridges and Boundaries / ed. by H. P. Aust, T. Kleinlein. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 108–129.

³ Вылегжанин А. Н., Дудыкина И. П. Понятие «международно-правовая политика государства» // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 24.

кие ложные пути разработки концепции МППГ. Для этого необходимо ясно очертить ее рабочее поле и прояснить некоторые нюансы в раскрытии ее положений.

1. Ограниченные источники данных о международно-правовой политике

Отличительной чертой МППГ является ее недеклалируемость государствами. Другими словами, само понятие международно-правовой политики государства – исключительно продукт доктринального осмысления действий государств как значимых для развития международного права. Такое происхождение понятия МППГ накладывает свой отпечаток и на возможности исследования международно-правовой практики государств как выражения политики в отношении международного права. Здесь намеренно опускается термин «методология», поскольку концепция МППГ не предлагает специальных методов исследования или собственного понятийного аппарата.

1. Прежде всего исследование международно-правовой практики государств обязывает ученых идентифицировать действия и заявляемые позиции государств как значимые в международном праве. При этом среди юристов-международников нет единого представления о том, что из себя представляет собственно международно-правовая практика, чем она должна принципиально отличаться от любых других видов деятельности публичного аппарата конкретного государства¹.

Интуитивно мы понимаем, что к международно-правовой практике можно отнести любые действия и позиции, в обоснование которых государство прямо ссылается на международно-правовые нормы или которые осуществлены в исполнение государством его международно-правовых обязательств. Однако критерий прямого указания государством на международно-правовое значение своих действий существенно ограничил бы изучаемые источники. Тогда можно положиться на институциональный критерий и включать в число анализируемых практик решения, принимаемые национальными органами, наделенными компетенциями в проведении внешней политики. Но проблема в том, что международно-правовая политика государства является частью внешней политики. Как тогда обособить МППГ от шагов, наделенных исключительно политическим содержанием?²

Интересно, что в оригинальной концепции Лашаррьера проблема идентификации международно-правовой практики государств разрешается с помощью презумпции действия правовых норм в межгосударственных отношениях: международно-правовая политика определяется как «политика в отношении *юридических аспектов* международных отношений» (курсив автора)³. Идея полноты международного права (*completeness of the law*), сформулированная Г. Лаутерпахтом, не позволяет исключать практику государств из-под международно-правового регулирования ввиду ее «политического характера»⁴. Как отметил Международный суд ООН, политический аспект спора не препятствует рассмотрению его юридического аспекта⁵. В то же время исследователь, следующий данной идее, оказывается обречен на постоянный поиск грани правового и политического в каждом действии или заявлении государства, более того, с риском механического переноса структур из поля политического дискурса в поле дискурса международно-правового.

Отсюда возникает необходимость обращения к качественному критерию значимости действий государства для международного права. Предполагается, что действия государства непременно встроены в межсубъектные (межгосударственные) отношения: речь идет уже не о ригидной системе абстрактных норм и понятий между-

¹ Parry C. The Sources and Evidences of International Law. Manchester: Manchester University Press, 1965. P. 34–35, 37–38. См. также: Carty A. Doctrine Versus State Practice // The Oxford Handbook of the History of International Law / ed. by B. Fassbender, A. Peters. Online ed. Oxford: Oxford Academic, 2012. P. 972–996.

² Клайв Пэрри рассуждал о том, что значимость международных соглашений зачастую лежит не в их статусе результата согласования воли, но в их статусе правового утверждения военно-политических достижений. В этом отношении наиболее показательны примеры мирных соглашений и других договоров, венчающих завершение военного или политического конфликта. Parry C. Op. cit. P. 40.

³ De Lacharrière G. L. Op. cit. P. 5.

⁴ Lauterpacht H. Some Observations on the Prohibition of 'Non Liquef' and the Completeness of the Law // Sources of International Law / ed. by M. Koskenniemi. Routledge, 2000. P. 199.

⁵ ICJ. Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Jurisdiction and Admissibility, Judgment of 26 November 1984, 1984 ICJ Rep. 293. P. 431–436, paras. 89–98.

народного права, но о международном праве как текущем результате непрерывного согласования волей государств. Если рассматривать все действия государства как адресные доводы для других государств, то их значимость в международном праве оценивается по его весомости (актуальной или потенциальной) для остальных участников согласования волей, будь то действие, способное создать прецедент допустимого поведения, или позиция, способная найти как ярых противников, так и активных сторонников.

Казалось бы, такое решение проблемы выявления международно-правовой практики государства избавлено от субъективно обусловленных погрешностей определения действия как юридически значимого. Но возникает иная проблема – доступность исследователю достоверных источников данных о международно-правовых позициях и действиях государств.

II. Обычно исследователи МППГ не имеют прямого доступа к механизмам разработки МППГ, а потому могут судить о международно-правовой практике государства только по ее видимым или вербализованным свидетельствам.

Материалами служат договоры, которые заключают государства (или к которым присоединяются), оговорки и декларации о толковании, политические декларации, меморандумы о взаимопонимании и другие (публично доступные) договоренности государств. Исследовать международно-правовую политику по тому, что «сказало государство», означало бы следовать волюнтаристскому подходу. Ведь, как отмечает ирландский юрист-международник Э. Карти, политические заявления и прочие формы изречения международно-правовой позиции государства наиболее близки к выражению его «воли»¹. Очевидно, декларируемые позиции представляют только вершину айсберга международно-правовой политики. В то же время если исследователи обращаются к анализу практики, то за неимением сведений о логике выстраивания международно-правовой политики государства юрисконсультами внешнеполитического ведомства все причинно-следственные связи и международно-правовые доводы оказываются только умозрительными выводами. Но как быть уверенным в соответствии выводов действительности? Ведь разработка международно-правовых доводов государства предполагает последовательный выбор решений, за которыми могут стоять различные факторы и мотивы субъектов, вовлеченных в принятие решений².

В этом отношении концепция международно-правовой политики представляет очередную попытку осмыслить (объяснить) поведение государств и их истинное отношение к международному праву. Предположение существования цельной аргументативной стратегии государства обеспечивает возможность анализировать международно-правовую практику государств линейно, исключая мотивы и версии, не соответствующие стержневой линии международно-правовых доводов государства. Несмотря на кажущуюся объективность в выделении «лейтмотива» международно-правовой политики по характеру превалирующих практик, ее содержание все же определяется доминирующими нарративами в академическом поле дисциплины международного права³. Поэтому высока вероятность «доктринизации» феномена международно-правовой политики государства, т. е. отрыв идеи доктрины от действительности. Вероятность не значит неизбежность. Ловушку «домысливания» можно обойти, если анализировать наиболее полный массив сведений о проведении государством международно-правовой политики, включая дипломатическую переписку, протоколы переговоров по разработке конвенции, воспоминания непосредственных участников и др. Проблема в том, что такая полнота сведений достигается

¹ *Carty A. Op. cit. P. 981.*

² Помимо объективных факторов, автор концепции Лашаррьер указывает и на влияние внутренних механизмов, баланса сил, распределения компетенций, а также личностного фактора (*De Lacharrière G. L. Op. cit. P. 208*).

³ Значение нарративов в международном праве занимает особое место в теории международного права. Для целей настоящей статьи следует отметить способность нарративов создавать и укреплять в правовом сознании современные представления, которые могут расходиться с историей дисциплины и другими историческими свидетельствами. Примечательна работа Агаты Вердебут, последовательно развенчивающая предположение, что международное право не смогло предотвратить войны XX в., поскольку не было достаточно международно-правового регулирования применения силы (*Verdebut A. Rewriting Histories of the Use of Force: The Narrative of 'Indifference' // Cambridge Studies in International and Comparative Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 376 p.*).

с течением времени, а потому анализ международно-правовой политики государства всегда ретроспективен.

2. Ретроспективность анализа МППГ

Ретроспективный анализ необходим для исследования МППГ, поскольку понимание развития международно-правовой практики государства по соответствующему вопросу в целом позволяет составлять представление о международно-правовом обосновании решений и действий недавнего прошлого. Как подчеркивает немецкая исследовательница С. Маркс, «прошлое определяет возможности настоящего»¹.

Ретроспективный характер анализа обусловлен самими принципами проведения МППГ: о содержании МППГ можно судить только по ее результатам. Дело в том, что государства не провозглашают свою международно-правовую политику, она никак документально не зафиксирована, прежде чем будет проведен ее анализ. При этом проявить линию международно-правовой аргументации государства возможно, только проследив ее ретроспективно от видимого результата в международно-правовой практике, т. е. когда международно-правовая позиция государства становится ясно выражена. Очевидно, что выражению позиции в международно-правовом дискурсе предшествует длительная внутренняя работа государства, собственно, по выстраиванию МППГ.

Подводным камнем в линейном анализе МППГ выступает *ошибка ложного детерминизма*, когда все прошлые действия государства оказываются подчинены одной цели, значением которой наделен некоторый свершившийся факт². Нередко исследователи в сфере гуманитарного знания считают поиск причинно-следственных связей не чем иным, как желанием уйти от случайного и неожиданного³. Концепция МППГ особенно чувствительна к последствиям детерминированного подхода, поскольку в анализе международно-правовой практики государства все «неслучайное» может быть приписано к «намеренному», а с учетом естественной последовательности развития МППГ такое допущение влечет цепочку ложных рассуждений об интересах и мотивах государства поступать так, а не иначе⁴.

Поэтому в ретроспективном анализе так важно понять взаимоотношение фактов-намерений и фактов-обстоятельств – то, что исследователи называют отношением между «структурой и волевым действием» (*relation between structure and agency*)⁵. Речь идет о необходимости предотвращения ошибки представления «случайного» как «закономерного» или наоборот. С. Маркс использует понятия «*false necessity*» и «*false contingency*» соответственно⁶. Если быть точнее, то, в частности, проблема «*false contingency*» заключается даже не в простой подмене намеренно созданных обстоятельств совпадениями, а в пренебрежении аспектами возможного и необходимого (*necessary or determined aspects*) в оцениваемых обстоятельствах⁷. Ведь порядок вещей в настоящий момент отражает одну реализованную возможность из множества. По этой причине сложно судить об успешности МППГ как таковой: успешна политика

¹ В оригинале: «...the past shapes the possibilities of the present» (*Marks S. False contingency // Current Legal Problems. 2009. Vol. 62. № 1. P. 9*).

² Ложный детерминизм совсем не означает отрицание социальных или волевых факторов (*human agency*) в истории (это как раз характерно для фатального в противоположность научному детерминизму), речь идет именно о рассмотрении развития событий прошлого как единственно возможного сценария. *Marks S. Op. cit. P. 4*.

³ «There is a deeply human longing for reasons in a world that is contingent». См.: *Adorno Th., Horkheimer M. Dialectic of Enlightenment / transl. by J. Cumming. N. Y., 1997. 270 p.* Цит. по: *Venzke I. Situating Contingency in the path of International Law // Contingency in International Law: On the Possibility of Different Legal Histories / ed. by I. Venzke, K. J. Heller. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 8*.

⁴ Например, автор концепции МППГ предпринимает попытку определить случаи отклонения от системного курса МППГ как ошибки (*erreurs*) или нестыковки (*incoherences*). См.: *De Lacharrière G. L. Op. cit. P. 177–194*. Проблема в том, что оценка действия как ошибочного может быть обусловлена не только аналитическим выявлением недостатков акта для достижения целей МППГ, но и ошибочной реконструкцией самой МППГ государства. Ведь истинное содержание МППГ всегда остается вне ведения исследователей.

⁵ *Marks S. Op. cit. P. 9*. С. Маркс формулирует это так: «What relation is established between structure and agency».

⁶ *Marks S. Op. cit. P. 10*.

⁷ *Ibid. P. 20*.

в силу убедительности аргументов или в силу удачной постановки вопроса в предположенных обстоятельствах?

Кроме того, ретроспективный анализ международно-правовой практики государств требует понимания исторического контекста. Причем в контексте важны не только обстоятельства, в которых принималось то или иное решение, но и значимость этого действия именно в условиях, существующих на момент его свершения, а также «*habitus*» тех, кто принимал участие в данном решении¹. Стоит помнить, что интерпретации событий и текстов прошлого всегда несут на себе след вопрошающего исследователя сегодня: его установки, убеждения, понимания хода истории². А самое главное, что обращение к теме в прошлом обычно сопряжено с возобновлением проблемы в настоящем, потому рассмотрение прошлых действий зачастую происходит через призму предустановленных акцентов³.

По этой причине в зарубежных исследованиях ученые обращаются к методам контрфактического исторического анализа международно-правовых практик⁴. Выявляя альтернативные пути развития событий и идентифицируя факторы, препятствовавшие реализации иных путей, возможно понять действительное значение в итоге согласованных норм в международном праве. Как отмечает Дж. Гордон, легитимность действующих норм становится тем более очевидна, когда учитывается роль случайного и возможного⁵.

3. Мнимая простота общих закономерностей

Поскольку идея международно-правовой политики государства направлена на раскрытие общих закономерностей в международно-правовой практике государств, то ее тезисы формулируются универсалистски. Соответственно, эти тезисы не сводимы к грубому обобщению частных наблюдений, напротив, они указывают сами принципы реализации международно-правовой политики государством.

1. В соответствии с тезисами концепции МППГ политика государства в отношении выбора применимых источников международного права определяется *возможностью оказывать максимальное влияние на содержание международного права*⁶. Однако необходимо понять, чем измеряется такая возможность.

С одной стороны, первичным критерием может выступать техника формализации международно-правовой нормы, поскольку для государства важны условия фиксации результата согласования воли. В таком случае данный тезис мог бы служить доказательством «наблюдаемой» предпочтительности договорной формы источников права перед всеми иными: по данным «World Treaty Index», на протяжении XX в. было заключено более 55 тыс. международных соглашений⁷. Однако Г. Л. де Лашаррьер начинает рассуждения о политике государств в отношении источников международного права как раз с опровержения такого допущения. Например, довод о возможности быстрого согласования договорных норм оспаривается проблемой отложенного вступления этих норм в силу (как в случае недостаточного числа ратификаций). В свою очередь, довод о преимуществе точных формулировок в договоре опровергается стремлением государств оставлять за собой свободу юридического маневрирования при толковании⁸.

С другой стороны, может быть важнее, *какие преимущества* к утверждению своей международно-правовой позиции дает государству тот или иной источник международного права *в зависимости от положения данного государства в дискурсивном поле международного права*. Например, можно предположить, что государства

¹ Здесь термин «*habitus*» из социологии П. Бурдьё емко выражает систему индивидуальных установок, восприятие и образ мыслей.

² Nijman J. An Enlarged Sense of Possibility for International Law // Contingency in International Law: On the Possibility of Different Legal Histories. P. 101.

³ Ibid. P. 102.

⁴ Venzke I. What if? Counterfactual (Hi)Stories of International Law // Asian Journal of International Law. 2018. Vol. 8. № 2. P. 403–431.

⁵ Gordon G. The Time of Contingency in International Law // Contingency in International Law: On the Possibility of Different Legal Histories. P. 163.

⁶ De Lacharrière G. L. Op. cit. P. 41.

⁷ World Treaty Index. URL: <http://db.lib.washington.edu/wti/wtdb.htm> (дата обращения: 10.07.2024).

⁸ De Lacharrière G. L. Op. cit. P. 29–30.

с многовековой международно-правовой практикой будут чаще полагаться на обычно-правовые нормы, обладающие общеобязательным действием, т. е. стремиться сохранить *status quo*, обеспеченный согласованными нормами. Тогда как новообразованные государства будут всячески препятствовать действию обычно-правовых норм, в формирование которых они не были вовлечены по объективным причинам. В частности, такое допущение разрабатывается в исследованиях научного направления TWAIL (Third World Approach to International Law)¹. Но в сущности любая норма международного права является достоянием всего международного сообщества, как «державных» государств², так и малых.

В то же время критерием могут стать сущностные свойства самого источника права. Например, распространено представление о гибкости договорных норм в противоположность «отвердевшему» в длительной практике международному обычаю³. Однако многочисленные исследования показывают, что международный обычай и международный договор могут в равной степени обеспечивать гибкость и стабильность международно-правового порядка и, более того, не только из обычной нормы международного права может возникнуть договорная норма, но и наоборот⁴.

Таким образом, ни одна из характеристик источника, взятого *in abstracto* или в отношении некой категории субъектов, не может быть *предопределяющим фактором* в том, как государство относится к данному источнику международного права при проведении своей международно-правовой политики. Сам выбор источника для закрепления согласованных позиций государств в международном праве является стратегическим шагом в рамках международно-правовой политики.

II. В основе концепции МППГ лежит идея *легитимирующего эффекта* международно-правовой аргументации. Это значит, что государство может с использованием международно-правовых доводов достичь признания его позиции как допустимой, и далее общеприемлемой в международном праве, даже если изначальная позиция государства расходится с существующим общим пониманием международно-правового урегулирования того или иного вопроса. Поскольку данное утверждение преимущественно поддерживает возможность изменения содержания международно-правовых норм по инициативе каждого из государств, процесс легитимации ложно подменяется односторонним правовым обоснованием позиций или действий. Однако между двумя этими процессами – легитимацией и односторонним обоснованием – есть существенные различия.

Во-первых, в одностороннем обосновании не проводится различия легитимных национальных интересов и интересов, противоречащих нормам международного права, что значимо для легитимации⁵.

Во-вторых, односторонние обоснования используются казуально, однократно, а потому не вносят вклад в последовательное развитие международного права.

В-третьих, одностороннее обоснование заявляется, но не адресуется аудитории международного сообщества государств. Это значит, что формальные юридические обоснования не преследуют цель убеждения в необходимости и правильности международно-правовой позиции.

В данном отличии заключается важный посыл концепции МППГ: принципиальная необходимость диалога для легитимации любых международно-правовых позиций.

¹ Galindo G. R. B., Yip C. Customary International Law and the Third World: Do Not Step on the Grass // Chinese Journal of International Law. 2017. Vol. 16. № 2. P. 251–270.

² Г. И. Тункин использовал термин «великие державы». Тункин Г. И. Теория международного права. М.: Зерцало, 2006. С. 244.

³ Glennon M. J. How International Rules Die // Georgetown Law Journal. 2005. Vol. 93. P. 941; Weil P. Towards Relative Normativity in International Law? // American Journal of International Law. 1983. Vol. 77. P. 438; Trachtman J. The Growing Obsolescence of Customary International Law // Custom's Future: International Law in a Changing World / ed. by C. Bradley. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 172–204.

⁴ D'Amato A. The Concept of Custom in International Law. Ithaca; N. Y.: Cornell University Press, 1971. P. 104–164; Thirlway H. W. A. International Customary Law and Codification: An Examination of the Continuing Role of Custom in the Present Period of Codification of International Law. Leiden: Brill Academic Pub., 1972. P. 80–89; Crootof R. Change without Consent: How Customary International Law modifies Treaties // The Yale Journal of International Law. 2016. Vol. 41. P. 237–299.

⁵ Как отмечает Г. И. Тункин, «международное право может быть опорой только той внешней политики, которая ему соответствует». Тункин Г. И. Указ. соч. С. 261.

Юристы могут филигранно выстроить обоснование международно-правовой позиции – блестяще сформулированное и идеально встроенное в конструкцию международно-правовой политики государства. Но без обращения аргументов к другим участникам развития международного права такое обоснование превращается в выстраивание «стены», а не диалога. В частности, по этой причине такую реакцию неприятия среди некоторых юристов-международников вызывает идея «rules-based order» (порядок, основанный на правилах) – термин, недавно получивший широкое распространение в политическом дискурсе многих стран, в том числе на площадках международных организаций¹. Введение такого понятия иногда рассматривают как попытку выделения некоего нового дискурсивного поля, отличного от международного права². Можно ли говорить о «взаимопонимании» в дискуссии на разных языках?

III. Утверждается равенство участников международно-правовой аргументативной практики. Однако данный тезис отнюдь не является калькой с принципа суверенного равенства, утвержденного Уставом ООН. Более того, концепция МППГ как теория, основанная на опыте применения социологического подхода к международному праву, прямо допускает различный «вес» мнений участников поля международно-правового дискурса, различные исходные условия для формирования индивидуальных международно-правовых позиций и способов их продвижения³. Здесь речь идет не о формально-юридическом равенстве субъектов, а о включенности в одно дискурсивное поле, в равном доступе к средствам формализации своих международно-правовых позиций, в равной возможности формулировать международно-правовые аргументы, полагаясь на одну систему норм и принципов.

Гипотезу о неизбежном «уравнивании» участников дискурса в международно-правовой аргументации иллюстрирует давнее наблюдение, что малые государства более активны в обращении к средствам международного правосудия, чем «державные» государства⁴. Объясняется это, в частности, тем, что малые государства, обращаясь к процедурам независимой оценки международно-правовых позиций участников спора, стремятся исключить возможность применения «неправовых» средств урегулирования международного спора⁵. Тогда как сильные государства стремятся оставить за собой последнее слово в международно-правовом споре⁶. Но зачастую обе стороны, несмотря на различия в их положении, заинтересованы в аргументированном «диалоге на равных», поскольку в конечном счете каждая из сторон стремится к легитимации представляемых позиций.

IV. Неотъемлемым элементом МППГ является декларируемая приверженность верховенству международного права в международных отношениях. Однако данный тезис не позволяет отнести концепцию к числу идеалистических правовых теорий. Концепция МППГ не доказывает авторитет международного права перед государствами и не списывает случаи «несоблюдения» международно-правовых норм на обстоятельства и издержки юридической техники оформления норм, подлежащих выполнению⁷. При этом удивительным образом исследование причин апеллирования государств к нормам международного права в тех ситуациях, где они едва применимы, только подтверждает существенное значение, которое государства придают международному праву.

¹ Jorgensen M. The Jurisprudence of the rules-based order: the power of rules consistent with but not binding under international law // Melbourne Journal of International Law. 2021. Vol. 22. № 2. P. 1–38.

² Вылегжанин А. Н., Нефедов Б. И., Воронин Е. Р., Магомедова О. С., Зотова П. К. Понятие «порядок, основанный на правилах» и международное право // Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 54–55; Dugard J. The choice before us: International law or a 'rules-based international order'? // Leiden Journal of International Law. 2023. № 1. P. 1–10.

³ Landheer B. Contemporary Sociological Theories and International Law // Cours de l'Académie de Droit International de La Haye. 1957. Vol. 91. P. 44–61.

⁴ De Lacharrière G. L. Op. cit. P. 139; Lauterpacht H. The Function of International Law in the International Community. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 177.

⁵ De Lacharrière G. L. Op. cit. P. 183.

⁶ Ibid. P. 137–139.

⁷ Chayes A., Chayes A. H. On Compliance // International Organization. 1993. Vol. 47. № 2. P. 175; *idem*. The New Sovereignty: Compliance with International Regulatory Agreements. Harvard: Harvard University Press, 1995. P. 3.

С точки зрения МППГ международно-правовой дискурс является естественной средой коммуникативного взаимодействия государств: говорить на «языке международного права» – значит быть частью международного сообщества государств. Можно пойти дальше: говорить на одном языке – значит оперировать одними и теми же понятиями, внимать одним и тем же идеям, транслируемым в языке. При этом общий язык – куда более устойчивый порядок вещей в международных отношениях, чем баланс сил. Ведь баланс сил – это факт, зафиксированный в момент времени, в каждый следующий момент необходимы большие усилия акторов, чтобы его подтвердить снова и снова. Международное право, напротив, как воплощение согласованных идей об устройстве международного правопорядка оказывает стабилизирующее действие на всякое решение государств. Как выразился Ф. Ф. Мартенс, «факты, по природе своей, проходящи и изменчивы: они часто являются результатом произвола или случая. Напротив, идеи, которые проникают известную историческую эпоху, которые лежат в основании всех фактов, ее наполняющих, дают возможность разобраться, найтись в огромной массе частных условий и обстоятельств...»¹. Следовательно, для государства принимать решение вне международно-правовых аргументов означало бы оставаться на зыбкой почве ускользающих фактов.

Таким образом, концепция представляет международное право не только и не столько как авторитетное, но прежде всего как необходимое. При этом не опровергается, что «международное право есть дитя политики»². Но уточняется: «...дитя политики не одного конкретного государства, а многих поколений государств»³, возвращенное под влиянием множества факторов и достигшее той зрелости, когда оно способно само задавать контекст поведению государств.

4. Системность без схематизации

Хотя концепция МППГ раскрывает общие закономерности в поведении государств, она не предлагает универсальных доступных схем продвижения и отстаивания международно-правовых позиций государством. Во-первых, для схематизации доступно только конкретное, т. е. определенное во времени, в пространстве, в круге вопросов. Поэтому схематизировать возможно систему аргументов или алгоритм шагов конкретного государства в конкретной ситуации, но не международно-правовую политику в целом (даже в отдельном вопросе). Во-вторых, схематизация требует фиксации элементов схематизируемого явления. Но исследование международно-правовой политики по тому или иному вопросу основано на *контекстуальном подходе*. Очевидно, что схематизация международно-правовых аргументов вне контекста проблемы, по которой проводится политика, и вне взаимосвязи с другими частями международно-правовой политики соответствующего государства будет малоинформативна.

Однако данные условия не препятствуют исследователям предпринимать попытки к систематизации шагов государств по согласованию волей. В этом отношении примечательна работа Дэвида Хьюза «Как государства убеждают». В ней ученый представляет алгоритм отстаивания своей международно-правовой позиции государством в виде пяти последовательных этапов ее обоснования⁴. Сначала в своей аргументации государство апеллирует к общепризнанным правовым основаниям для своей позиции – к международному праву. Далее государство ссылается на свою репутацию правопослушного государства (*reputation of legal fidelity*). Следующий шаг – демонстрация авторитета международно-правовых суждений (например, ссылки на правительственные акты в части подтверждения международно-правовой практики). Затем следует аргументация, направленная на расширение границ допустимого довода с точки зрения международного сообщества государств (*instilling the standard of the Acceptable Legal Argument*). В заключение государство обращается к предшествующей международно-правовой практике для демонстрации общности своих частных доводов.

¹ Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1898. Т. 1. С. 23.

² Giraud E. Le droit international et la politique // Recueil des cours de l'Academie de droit international. T. 110 (1963-III). P. 428.

³ Вылегжанин А. Н., Дудыкина И. П. Указ. соч. С. 24.

⁴ Hughes D. How States Persuade: An Account of International Legal Argument Upon the Use of Force // Georgetown Journal of International Law. 2019. Vol. 50. № 4. P. 871–872.

Обращает на себя внимание, что схема поэтапного обоснования спорной международно-правовой практики государства основана на ситуациях схожего типа: ситуация необходимости легитимации модели действий, которые большинством членов международного сообщества государств квалифицируются как нарушение норм международного права. В частности, исследователем рассматривается обоснование США применения доктрины «Unwilling or Unable» для военных действий на территории третьих стран¹. В процессе аргументации государство представляет свою позицию перед международным сообществом государств как потенциально легитимную. Вопрос только в том, насколько представленный алгоритм действий позволяет государству достигать цели его международно-правовой политики. Другими словами, схематизация аргументативной стратегии государства не позволяет судить об ее эффективности. В концепции МППГ целесообразность и весомость действий в достижении цели легитимации имеет принципиальное значение. Об эффективности МППГ можно судить, только рассматривая международно-правовую аргументацию как многосторонний процесс, где равно систематизируются аргументы ратора и анализируется реакция аудитории. Ведь достичь легитимации – значит сделать свою практику или позицию не только допустимой, но и доступной для использования третьими государствами как естественной неотъемлемой части современного международного права.

Можно сделать вывод, что разработка схем аргументативной стратегии безусловно представляет исследовательский интерес и может вносить существенный вклад в опыт систематизации поведения государств на международной арене. Однако представление таких схем как универсальных эффективных алгоритмов проведения международно-правовой политики государства было бы ошибочным. В частности, поэтому концепция МППГ не может применяться как инструмент прогнозирования. Тем не менее систематизация международно-правовых шагов как цельной международно-правовой политики государств имеет практическое значение. Это необходимо для понимания легитимных ожиданий аудитории международного сообщества по поводу поведения каждого государства, а соответственно, и возможности данного государства легитимировать свои позиции с учетом таких ожиданий.

Выводы

В заключение следует обозначить основные задачи исследователей международно-правовой политики государств с учетом отмеченных нюансов в понимании положений концепции.

Во-первых, необходимо принимать наиболее широкий подход к выбору источников международно-правовых позиций государств, не ограничиваясь формальными результатами взаимодействия государств, а также учитывая фактические действия, заявления на международных площадках, позиции, представляемые в процессе переговоров по международным договорам (*travaux préparatoires*). Концепция МППГ рассматривает международное право в динамике становления его содержания, т. е. «в процессе согласования воле государств», а значит, учитывает и «невербализованное» согласование воле государств.

Во-вторых, ввиду того что международно-правовая политика государства исследуется в ретроспективе, исследователям важно проявлять осторожность в пересмотре оценок международно-правовой политики по мере пополнения источников для ее изучения. Так, исследователям важно избегать отрыва от контекста межгосударственных отношений в период проведения государством исследуемой международно-правовой политики. Равно как необходимо опасаться формирования «предвзятых» интерпретаций прошлых практик, например, фиксирующих одну логику реализации МППГ и подчиняющих этой логике все обстоятельства проведения МППГ (интерпретации, связанные с ложным детерминизмом).

В-третьих, необходим критический подход к формулированию закономерностей в международно-правовой политике государств. Например, частота обращения государства к одним источникам международного права в одном случае не может

¹ В соответствии с доктриной «unwilling or unable» государство вправе принимать экстерриториальные меры самообороны против угрозы, исходящей с территории государства, правительство которого «не желает или не способно» пресечь данную угрозу.

свидетельствовать об их предпочтительности в международно-правовой политике этого государства во всех прочих обстоятельствах. Нужно ясное понимание отличий некоторых конструкций концепции от общеизвестных понятий, например условий легитимации посредством международно-правовой аргументации от простого юридического обоснования (оправдывающего, нежели убеждающего); понимание отличия равенства в доступе к «коммуникативным» средствам международного права от принципа суверенного равенства.

В-четвертых, важно избегать излишних обобщений в анализе различных сегментов международно-правовой политики. Так, выявление алгоритмов в представлении государством своих международно-правовых доводов применимо только для аргументации по конкретным вопросам. Но такой подход к анализу МППГ не позволяет судить об эффективности выявленного алгоритма в проведении международно-правовой политики. Наиболее полное изучение МППГ охватывает как доводы самого государства, так и реакцию аудитории, которой они были адресованы, прежде всего формирование легитимных ожиданий в отношении дальнейшего поведения данного государства.

Список литературы

Вылегжанин А. Н., Дудыкина И. П. Понятие «международно-правовая политика государства» // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 21–37.

Вылегжанин А. Н., Нефедов Б. И., Воронин Е. Р., Магомедова О. С., Зотова П. К. Понятие «порядок, основанный на правилах» и международное право // Московский журнал международного права. 2021. № 2. С. 35–60.

Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб.: Типография А. Бенке, 1898. Т. 1. 434 с.

Тункин Г. И. Теория международного права. М.: Зерцало, 2006. 416 с.

Adorno Th., Horkheimer M. Dialectic of Enlightenment / transl. by J. Cumming. N. Y., 1997. 270 p.

Carr E. H. What is History? 2nd ed. L.: Penguin, 1990. 188 p.

Carty A. Doctrine Versus State Practice // The Oxford Handbook of the History of International Law / ed. by B. Fassbender, A. Peters. Online ed. Oxford: Oxford Academic, 2012. P. 972–996.

Chayes A., Chayes A. H. On Compliance // International Organization. 1993. Vol. 47. № 2. P. 175–205.

Chayes A., Chayes A. H. The New Sovereignty: Compliance with International Regulatory Agreements. Harvard: Harvard University Press, 1995. 417 p.

Crootoof R. Change without Consent: How Customary International Law modifies Treaties // The Yale Journal of International Law. 2016. Vol. 41. P. 237–299.

D'Amato A. The Concept of Custom in International Law. Ithaca; N. Y.: Cornell University Press, 1971. 286 p.

De Lacharrière G. L. La politique juridique extérieure. P.: Economica, 1983. 231 p.

Dugard J. The choice before us: International law or a 'rules-based international order'? // Leiden Journal of International Law. 2023. № 1. P. 1–10.

Galindo G. R. B., Yip C. Customary International Law and the Third World: Do Not Step on the Grass // Chinese Journal of International Law. 2017. Vol. 16. № 2. P. 251–270.

Giraud E. Le droit international et la politique // Recueil des cours de l'Académie de droit international. T. 110 (1963-III).

Glennon M. J. How International Rules Die // Georgetown Law Journal. 2005. Vol. 93. P. 939–991.

Gordon G. The Time of Contingency in International Law // Contingency in International Law: On the Possibility of Different Legal Histories / ed. by I. Venzke, K. J. Heller. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 162–174.

Hughes D. How States Persuade: An Account of International Legal Argument Upon the Use of Force // Georgetown Journal of International Law. 2019. Vol. 50. № 4. P. 839–946.

Jorgensen M. The Jurisprudence of the rules-based order: the power of rules consistent with but not binding under international law // Melbourne Journal of International Law. 2021. Vol. 22. № 2. P. 1–38.

Kolb R. Réflexions sur les politiques juridiques extérieures. P.: Pedone, 2015. 138 p.

Landheer B. Contemporary Sociological Theories and International Law // Cours de l'Académie de Droit International de La Haye. 1957. Vol. 91. P. 44–61.

Lauterpacht H. Some Observations on the Prohibition of 'Non Liqueur' and the Completeness of the Law // Sources of International Law / ed. by M. Koskenniemi. Routledge, 2000. P. 196–221.

Lauterpacht H. The Function of International Law in the International Community. Oxford: Oxford University Press, 2011. 528 p.

Marks S. False contingency // Current Legal Problems. 2009. Vol. 62. № 1. P. 1–21.

Mégret F. Foreign Legal Policy as the Background to Foreign Relations Law? Revisiting Guy De Lacharrière's La Politique Juridique Extérieure // Encounters between Foreign Relations Law and

International Law: Bridges and Boundaries / ed. by H. P. Aust, T. Kleinlein. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 108–129.

Nijman J. An Enlarged Sense of Possibility for International Law // Contingency in International Law: On the Possibility of Different Legal Histories / ed. by I. Venzke, K. J. Heller. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 92–107.

Parry C. The Sources and Evidences of International Law. Manchester: Manchester University Press, 1965. 122 p.

Thirlway H. W. A. International Customary Law and Codification: An Examination of the Continuing Role of Custom in the Present Period of Codification of International Law. Leiden: Brill Academic Pub., 1972. 158 p.

Trachtman J. The Growing Obsolescence of Customary International Law // Custom's Future: International Law in a Changing World / ed. by C. Bradley. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 172–204.

Venzke I. Situating Contingency in the path of International Law // Contingency in International Law: On the Possibility of Different Legal Histories / ed. by I. Venzke, K. J. Heller. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 1–19.

Venzke I. What if? Counterfactual (Hi)Stories of International Law // Asian Journal of International Law. Vol. 8. № 2. P. 403–431.

Verdebot A. Rewriting Histories of the Use of Force: The Narrative of 'Indifference' // Cambridge Studies in International and Comparative Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 376 p.

Weil P. Towards Relative Normativity in International Law? // American Journal of International Law. 1983. Vol. 77. P. 413–442.

References

Adorno Th., Horkheimer M. (1997) *Dialectic of Enlightenment*, transl. by J. Cumming. New York, 270 p.

Carr E. H. (1990) *What is History?* 2nd ed., London, Penguin, 188 p.

Carty A. (2012) Doctrine Versus State Practice. In Fassbender B., Peters A. (Ed.) *The Oxford Handbook of the History of International Law*, online ed., Oxford, Oxford Academic, pp. 972–996.

Chayes A., Chayes A. H. (1993) On Compliance. In *International Organization*, vol. 47, no. 2, pp. 175–205.

Chayes A., Chayes A. H. (1998) *The New Sovereignty: Compliance with International Regulatory Agreements*. Harvard, Harvard University Press, 417 p.

Crootof R. (2016) Change without Consent: How Customary International Law modifies Treaties. In *The Yale Journal of International Law*, vol. 41, pp. 237–299.

D'Amato A. (1971) *The Concept of Custom in International Law*. Ithaca, New York, Cornell University Press, 286 p.

De Lacharrière G. L. (1983) *La politique juridique extérieure*. Paris, Economica, 231 p.

Dugard J. (2023) The choice before us: International law or a 'rules-based international order'? In *Leiden Journal of International Law*, no. 1, pp. 1–10.

Galindo G. R. B., Yip C. (2017) Customary International Law and the Third World: Do Not Step on the Grass. In *Chinese Journal of International Law*, vol. 16, no. 2, pp. 251–270.

Giraud E. (1963) Le droit international et la politique. In *Recueil des cours de l'Académie de droit international*, vol. 110, pp. 419–810.

Glennon M. J. (2005) How International Rules Die. In *Georgetown Law Journal*, vol. 93, pp. 939–991.

Gordon G. (2021) Time of Contingency in International Law. In Venzke I., Heller K. J. (Ed.) *Contingency in International Law: On the Possibility of Different Legal Histories*. Oxford, Oxford University Press, pp. 162–174.

Hughes D. (2019) How States Persuade: An Account of International Legal Argument Upon the Use of Force. In *Georgetown Journal of International Law*, vol. 50, no. 4, p. 839–946.

Jorgensen M. (2021) The Jurisprudence of the rules-based order: the power of rules consistent with but not binding under international law. In *Melbourne Journal of International Law*, vol. 22, no. 2, pp. 1–38.

Kolb R. (2015) *Réflexions sur les politiques juridiques extérieures*. Paris, Pedone, 138 p.

Landheer B. (1957) Contemporary Sociological Theories and International Law. In *Cours de l'Académie de Droit International de La Haye*, vol. 91, pp. 44–61.

Lauterpacht H. (2000) Some Observations on the Prohibition of 'Non Liqueur' and the Completeness of the Law. In Koskeniemi M. (Ed.) *Sources of International Law*. Routledge, pp. 196–221.

Lauterpacht H. (2011) *The Function of International Law in the International Community*. Oxford, Oxford University Press, 528 p.

Marks S. (2009) False contingency. In *Current Legal Problems*, vol. 62, no. 1, pp. 1–21.

Martens F. (1898) *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov* [Modern international law of civilized nations]. Saint-Petersburg, Tipografiya A. Benke, vol. 1, 434 p.

Mégret F. (2021) Foreign Legal Policy as the Background to Foreign Relations Law? Revisiting Guy De Lacharrière's *La Politique Juridique Extérieure*. In Aust H. P., Kleinlein T. (Ed.) *Encounters between*

Foreign Relations Law and International Law: Bridges and Boundaries. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 108–129.

Nijman J. (2021) An Enlarged Sense of Possibility for International Law. In Venzke I., Heller K. J. (Ed.) *Contingency in International Law: On the Possibility of Different Legal Histories*. Oxford, Oxford University Press, pp. 92–107.

Parry C. (1965) *The Sources and Evidences of International Law*. Manchester, Manchester University Press, 122 p.

Thirlway H. W. A. (1972) *International Customary Law and Codification: An Examination of the Continuing Role of Custom in the Present Period of Codification of International Law*. Leiden, Brill Academic Pub, 158 p.

Trachtman J. (2016) The Growing Obsolescence of Customary International Law. In Bradley C. (Ed.) *Custom's Future: International Law in a Changing World*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 172–204.

Tunkin G. I. (2006) *Teoriya mezhdunarodnogo prava* [Theory of international law]. Moscow, Zertsalo, 416 p.

Venzke I. (2018) What if? Counterfactual (Hi)Stories of International Law. In *Asian Journal of International Law*, vol. 8, no. 2, pp. 403–431.

Venzke I. (2021) Situating Contingency in the path of International Law. In Venzke I., Heller K. J. (Ed.) *Contingency in International Law: On the Possibility of Different Legal Histories*. Oxford, Oxford University Press, pp. 1–19.

Verdebut A. (2021) *Rewriting Histories of the Use of Force: The Narrative of 'Indifference'*. In *Cambridge Studies in International and Comparative Law*. Cambridge, Cambridge University Press, 376 p.

Vylegzhanin A. N., Dudykina I. P. (2016) Ponyatie «mezhdunarodno-pravovaya politika gosudarstva» [The concept of «international legal policy of the state»]. In *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 4, pp. 21–37.

Vylegzhanin A. N., Nefedov B. I., Voronin E. R., Magomedova O. S., Zotova P. K. (2021) Ponyatie «poryadok, osnovannyi na pravilakh» i mezhdunarodnoe pravo [The concept of «order based on rules» and international law]. In *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 2, pp. 35–60.

Weil P. (1983) Towards Relative Normativity in International Law? In *American Journal of International Law*, vol. 77, pp. 413–442.